

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Туркевича Андрея Львовича «**Научно-педагогическая и общественно-просветительская деятельность профессора В.Е. Майера (1918–1985 гг.)**» (Ижевск, 2017. – 313 с. + Приложения), представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история

Сегодня биографические исследования занимают важное место в рамках новой интеллектуальной истории, представляющей собой актуальное направление в области истории исторического знания. В представленной А.Л. Туркевичем диссертационной работе замыслено «создание» «целостной биографии профессора В.Е. Майера как историка, педагога, общественного деятеля, отразившего эпоху, в которой он жил и работал» (с. 7 автореф.), что целиком соответствует паспорту специальности 07.00.02 – «Отечественная история», таким ее областям исследования, как «История развития культуры, науки и образования России, ее регионов и народов» (12), «Личность в Российской истории, ее персоналии» (17) и «Интеллектуальная история России» (22). Автор создает интеллектуальную биографию В.Е. Майера в соответствии с новыми научными задачами, предполагающими изучение жизненного пути историка в широком социокультурном контексте.

Актуальность темы диссертационной работы обусловлена тем, что в центре внимания оказывается, как аргументировано показывает автор, фигура ученого-историка В.Е. Майера (1918-1985), масштаб деятельности которой, во-первых, определяется его признанным местом и ролью в научном мире, в том числе среди представителей его поколения, с которым связаны вершинные достижения отечественной исторической науки второй половины XX века¹. Во-вторых, с его местом и ролью в городе и крае – Ижевске и Удмуртии, с которыми он оказался связанным теснейшими узами, отдав много сил просветительской и общественно-политической деятельности. К тому же научно-педагогическая деятельность В.Е. Майера выходила далеко за пределы региона. Потому необходимо осмысление всего комплекса взаимозависимостей, суммы событий и процессов, в которых профессор Майер оказался движущей силой, придавая им в силу своего таланта, энергии, характера прогрессивную направленность, достигая тех результатов, память о которых жива и поныне. В свете этого **актуальность** замысла заполнить имеющийся вакуум в исследовании проблемы, а равно его **теоретическая, практическая и нравственная составляющие** несомненны.

¹ Его представители: М.А. Барг (1915-1991), Е.В. Гутнова (1914-1992), И.М. Дьяконов (1915-1999), Л.Е. Кертман (1917-1987), А.Р. Корсунский (1914-1980), А.И. Немировский (1919-2007), Ю.М. Сапрыкин (1913-1998), Я.Д. Серовайский (1912-1997), С.М. Стам (1913-2010), З.Г. Удальцова (1918-1987), А.С. Шофман (1913-1993) и др.

Научная новизна исследования определяется постановкой проблемы и полученными результатами. Естественно, современные исследователи активно обращаются к вопросам изучения означенного периода в отечественной науке, в том числе и к изучению деятельности ученых поколения В.Е. Майера². Его биография и наследие закономерно стали предметом повышенного внимания прежде всего его коллег и учеников, регулярно осуществляющих с 2001 г. публикацию материалов ежегодных проводимых Удмуртским университетом научных чтений, посвящаемых памяти ученого и неизменно содержащих серьезный блок материалов-исследований о нем. На 2013 год, к празднованию 95-летия со дня рождения профессора В.Е. Майера, библиотека трудов о нем насчитывала 113 наименований разнообразных публикаций. На сегодня он пополнился еще рядом исследований. Налицо некая ловушка: очевиден исследовательский интерес, активны благодарные родственники, коллеги и ученики В.Е. Майера, которые не могут не подвергать верификации любое исследование об Учителе. В таких условиях реально встает вопрос о том, что и как должен писать историк, в чем может быть новизна исследования и научный вклад его?

Автор, полагаю, осознавал все эти трудности. Он исходил из того, что наука базируется на монографических исследованиях, учитывал, что до него не предпринимались (или не были осуществлены) попытки создания «комплексных» (дис., с. 13) исследований монографического плана, посвященных тем ученым, которые были «двигателями» развития тех или иных отраслей исторической науки вообще, всеобщей истории в частности в советских региональных вузах, исследований, которые отразили бы не только собственно научные достижения избранных авторами «героев», но и вписали бы их в контекст эпохи. И верно. Особо ценен поворот к региональному аспекту. В факте появления в «провинциальных» высших учебных заведениях личностей типа С.М. Стама, А.И. Немировского, А.С. Шофмана, Л.Е. Кертмана, В.Е. Майера, очевидно, проявлялись какие-то закономерности развития науки, и их особенно важно осмыслить. Следовало установить, какое это имело значение и для науки, и для судеб обретенной этими учеными новой «малой» родины.

Разумеется, каждый из таких людей, по определению, не мог быть заурядной личностью, стоявшей в стороне от происходивших событий (как позитивного, так и негативного толка), с которыми сейчас принято ассоциировать советское прошлое. Поэтому, на наш взгляд, ценность настоящей диссертационной работы заключается во многом в том, что в ней на примере анализа жизни и деятельности профессора В.Е. Майера предпринято целостное исследование деятельности – научной, педагогической, просветительской, общест-

² В частности, были проведены научные конференции, посвященные юбилейным датам со дня рождения Е.В. Гутновой, А.С. Шофмана, С.М. Стама, Л.Е. Кертмана и др.; анализу их жизни и деятельности посвящены многочисленные воспоминания, книги, статьи, сборники трудов – материалов конференций.

венно-политической – ученого, много давшего советской / отечественной исторической науке и ставшего знаковой фигурой для Удмуртии и Удмуртского университета благодаря тому вкладу, что он внес в становление здесь высшей школы, исторического образования, создания особого климата в духовной жизни региона.

Автор, с уважением относясь к сделанному предшественниками (свидетельство тому весьма пространный историографический обзор, подстрочные «экскурсы» и реплики), имея в распоряжении, очевидно, практически исчерпывающий источниковый корпус, стремится увидеть те аспекты деятельности ученого, которые еще не попадали в сферу внимания исследователей либо находили лишь поверхностное раскрытие. Он впервые обратился к архивным данным (привлечено более 100 единиц хранения из 5 архивов и музеев), использует материалы личного происхождения, как опубликованные (воспоминания), так и неопубликованные (анкеты, переписка и т.п.). Отдадим должное и тому, что диссертант пополняет источниковую базу – это нашло отражение в факте собирания им «архива автора». Именно благодаря принципиальному расширению источниковой базы удалось раскрыть деятельность В.Е. Майера как организатора исторического образования на кафедре всеобщей истории УГПИ–УдГУ, как организатора научной работы в качестве проректора университета в 1972–1976 гг., как общественного деятеля – члена организаций «Знание» и Советского общества дружбы с ГДР и т.п.

Достоверность результатов исследования обеспечивается применением принципов новой интеллектуальной истории – «персональной истории», попыткой опереться на концепт «человека второго плана в истории», который в силу своих эвристических возможностей, в конечном итоге, «убедил» уже многих исследователей, в том числе и автора рецензируемой диссертации, что работы подобного плана имеют право на существование³. Отмечу, диссертант достигает искомой объективности отнюдь не в силу декларации, что исследование «основано на принципах... объективности» (с. 10 автореф; с. 26 дис.), а реализуя принципы историзма, системного подхода, опираясь а) на комплекс специально-научных методов, в том числе на историко-биографический, историко-генетический и др., б) на широкий круг историографических источников и имеющейся по изучаемой проблеме литературы. То есть достоверность обеспечивается

³ Здесь речь не идет о том, мог ли В.Е. Майер быть личностью «первого плана». Субъективно, несомненно. Как показал диссертант, профессор В.Е. Майер никогда не был пассивным объектом действия внешних сил, он, как значительная личность, сам оказывал влияние на эти силы, проявляя себя и в научной деятельности, и в организации высшего образования в УдмАССР. Мне особо импонирует, что автору удается увидеть, что Майер – личность удивительно типичная для своей эпохи (искренняя идейная и атеистическая убежденность, приверженность марксистско-ленинскому подходу, нетерпимость к конъюнктуре и т.п.). Наверно, это существенно, учитывая, что автор принадлежит к вступающему в науку поколению, для которого, в свою очередь, важно определять, с «кого делать жизнь» в науке. Проф. В.Е. Майер – достойный пример

выбором методов и подходов, связанных с конкретными задачами исследования и спецификой исследуемого материала.

Работа выполнена по **проблемному принципу**. Ее структура обладает внутренним единством и соответствует поставленным цели и задачам. Три главы (2-4) посвящены отдельным направлениям деятельности В.Е. Майера: как организатора исторического образования в УГПИ-УдГУ, как ученого и организатора науки, как общественного деятеля.

Ставя проблему формирования личности ученого (гл. 1) автора сосредоточивается на первой половине его жизни (хронологически – до защиты им в 1955 г. кандидатской диссертации). Можно, очевидно, с этим согласиться, помня о стремление автора делать акцент на не проясненных сюжетах. И хотя нельзя не упрекнуть автора в прямолинейности и излишнем редуccionизме, он показывает условия и факторы, влиявшие на воспитание Майера в семье и советской школе, анализирует значение университетского периода, но особо – и это справедливо – роль Великой Отечественной войны как «второго университета» в жизни ученого, связанных с нею перипетий. Причины и факторы последних представлены с изрядной полнотой (включая политику и законодательство в отношении советских немцев, так повлиявшего на определение «территориальных» рамок деятельности В.Е. Майера, и особенно – тех людей, с которыми свела его жизнь)⁴.

С середины 50-х годов начинается новый период в жизни и деятельности В.Е. Майера. Автор ставит проблему выявления вклада ученого в организации исторического образования в области всеобщей истории в УГПИ–УдГУ. Он связывается прежде всего с деятельностью ученого на посту заведующего кафедрой всеобщей истории, чем и мотивировано выделение особой – второй – главы диссертации. При ее чтении обнаруживается некая диспропорция: довольно значительный объем текста (более 1/3) отражает состояние этой «отрасли» в домайеровский период (т.е. до 1964 г., когда Майер возглавил кафедру). Издержки ее искупаются тем, что первые два параграфа позволяет читателю вслушаться в контекст эпохи (считаю это достижением автора), представить, как говорится, в лицах и образах корпорацию «всеобщих» историков Удмуртского университета⁵, ее жизнь и в условиях второй половины 30-х годов, и в военные и послево-

⁴ Можно согласиться и с решением автора о нецелесообразности представлять подробную биографию В.Е. Майера в послевоенный период, поскольку она довольно подробно отражена в литературе, особенно в опубликованной в 2012 г. книге «Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах» (автор-составитель Б.П. Сысоева-Майер; значительную работу по ее подготовке выполнил и соискатель). Очевидно, наличие такой книги, где весьма подробно представлен и образ Майера как семьянина – мужа, отца, деда, а также восприятие событий его жизни в «антропологическом» измерении облегчило задачи диссертанта.

⁵ О масштабе изысканий автора свидетельствует, например, факт представления при анализе состояния преподавания всеобщей истории в 1931-1946 гг. портретов десяти ученых-сотрудников кафедры в эти годы, разумеется, с разной полнотой характеристик.

енные годы. Как результат, весьма зримо показано и то, что было сделано В.Е. Майером в строительстве кафедры в сравнении с предыдущим этапом.

Собственно оценка роли В.Е. Майера дана в двух плоскостях. Представив на основании архивных материалов майеровские принципы организации деятельности кафедры всеобщей истории, автор, во-первых, проанализировал «кадровую политику» заведующего (подбор кадров, требования к сотрудникам и т.д.); во-вторых, выявил конкретные методы, которые Майер использовал в работе с коллегами, направленные на повышение их профессионального мастерства. Важно отметить, что майеровские подход и требования к преподавателям кафедры были «университетскими» по своей сути, т.е. направленные на сочетание педагогической и научной составляющей, они начали внедряться им за несколько лет до реорганизации пединститута в классический университет и стали для вуза во многом новаторскими.

По сути, тема научной деятельности профессора Майера разворачивается в следующем разделе (гл 3). Автор подчеркивает, что под ней он понимает деятельность в широком смысле: не только как совокупность научных трудов ученого, но и ее организаторскую составляющую. Потому логика нашего анализа/рецензирования прежде всего обращает нас к той части раздела (§ 3), где продолжается анализ организаторской деятельности В.Е. Майера, но теперь уже не только на кафедре (она также продолжается), но и в масштабе всего университета. Это становилось его задачей на должности проректора по научной работе формирующего в статусе классического университета регионального вуза⁶.

Автор справедливо опять-таки стремится показать, почему и чем интересен опыт деятельности В.Е. Майера в сфере руководства вузовской наукой. Ученый, подчеркивается диссертантом, уловил, что базовым, принципиальным отличием классического вуза от педагогического является именно уровень развития научной деятельности. Не прошло мимо автора и то, что и в то время в стране шли непрекращающиеся эксперименты над высшим образованием. Потому-то и сегодня важно присматриваться к позитивному предшествующему опыту, хотя бы в отдельных аспектах.

Для меня как специалиста – и по предмету преподавания (медиевистика), и по научной специализации (историография, науковедение) – особый интерес представляли разделы о Майер-историке и Майере – организаторе и создателе научной школы (§ 1, 3 главы 3).

Автор справедливо полагает, что тема «В.Е. Майер как историк» не только наиболее исследуемая, но и наиболее изученная в посвященной ему историографии. Поэтому и с учетом избранной специальности исследования (07.00.02) автор в должном объеме для

⁶ В 1972 г. Удмуртский госуниверситет был организован на основе пединститута.

решения своих задач констатирует достижения В.Е. Майера в двух сегментах историознания – в средневековой германистике и удмуртоведении. Последнее особенно важно для понимания роли и места ученого в научной и духовной жизни Удмуртии.

Пожалуй, свежо выглядят попытки показать, когда и почему те или иные темы и сюжеты попадали в сферу научного внимания Майера на его жизненном пути. Соглашусь с таким наблюдением-выводом, что Майер был довольно «рационален» в своей деятельности. И верно. Выбор германской аграрной истории в качестве тем диссертаций во много был обусловлен именно глубоким [не просто «уверенным», по определению автора (с. 134)], знанием немецкого языка, а также особенностей крестьянской жизни, что естественным образом «упрощало» изучение этой темы.

Чутье историка-историографа не подвело автора при рассмотрении темы «Майер-удмуртовед». Он не поддался искушению объявить этот интерес некой конъюнктурной необходимостью и связал его с тем, что ученый подобного уровня не мог оставаться в стороне от локальной истории в национальной республике. И здесь должно не только солидаризироваться с мнением проф. В.Е. Владыкина, что сила научной позиции Майера была в том, что он анализировал удмуртские общинные институты в едином контексте истории европейской социальной системы (с. 9, 168), но и подумать, каковы истоки и результаты подобной практики. Не продолжал ли ученый традицию своих московских учителей и коллег, зародившуюся еще в трудах их учителей – историков «русской исторической школы»⁷.

Перехожу к анализу предпринятого автором опыта рассмотрения деятельности В.Е. Майера по созданию коллектива единомышленников, разделяющих его научные интересы, с позиций современного науковедения (§ 2). Налицо теоретическая и методологическая сложность решения этой проблемы.

В качестве базовой ценности, лежащей в основе процесса автор полагает, что «Пройдя в свое время великолепную школу исторического факультета МГУ, В.Е. Майер стремился к тому, чтобы применить полученный им опыт на “удмуртской почве”» (с. 174). Однако, что это за «школа», читатель не узнает, тем более, что автор оговаривает: «Источниковая база периода обучения В.Е. Майера в МГУ не богата. Сведения об учебе прослеживаются только по содержанию диплома» (с. 41). Правда, диссертант ниже приводит свидетельства самого Майера о роли учебы в МГУ (с. 44-45) в его становлении, цитирует его слова о «молодых, ныне всемирно известных профессорах», которые умело производили «с первой встречи» «впечатление», что они-то «ни на минуту не сомневались в том, что ты [то есть слушающий их студент – Г.П.] способен освоить вершины

⁷ Можно вспомнить, сколь плодотворны были опыты анализа в подобном контексте общинных отношений у народов Кавказа, в Малороссии М.М. Ковалевского, или труды об общинном землевладении у народов от Пиренеев до Днепра И.В. Луцицкого.

науки..., выйти из стен университет ученым...». Имена учителей Майера мы все же узнаем, но... уже читая следующую главу⁸. А возможность, полагаю, у автора, хотя бы в общем прорисовать картину обучения на истфаке МГУ и даже школения, все же была: достаточно, например, обратиться к известным мемуарам Е.В. Гутновой, обучавшейся там же в 1934-1939 гг. И на вопрос: «Как нас учили?», Е.В. Гутнова ответила: «Это была в целом добротная школа...». Не использовано здесь и то обстоятельство, что между В.Е. Майером и М.М. Смириним сложились такие отношения, которые заслуживают быть оцененными с позиций науковедения.

Конечно, главный вопрос, который решает диссертант, – о формировании собственной школы Майера, ее характере и чертах. Автор исходит из современных теоретических наработок; признав факт изменчивости подходов к понятию «научная школа» современного науковедения, он сам включается в обсуждение его методологических вопросов. Это научно значимо, поскольку есть возможность учесть и «казус» / феномен, случившийся в провинциальном университете. Можно считать, что теперь он, благодаря исследованию диссертанта, вписан в общий фонд истории исторической науки.

Рецензент видит заслугу автора в том, что, предложив гипотезу понимания «школы» как неформального объединения ученых, оформившегося вокруг фигуры руководителя / лидера, ведущего научную и педагогическую деятельность в рамках общей тематики и методологии, признаваемого научным сообществом и стремящимся воспитать новое поколение участников (с. 171-172), он проследил многоаспектный, весьма сложный, противоречивый процесс преобразования складывающегося вокруг В.Е. Майера коллектива, объединяемого учебной и исследовательской работой в научную школу. Она зримо обрела черты, присущие научной школе, что и подытожено автором на стр. 192-193 диссертации. Следует согласиться с выводом: «деятельность В.Е. Майера и его учеников по крайней мере в первом и втором поколении может быть охарактеризована как научно-педагогическая школа» (с. 193). Пожалуй, убедительность постулируемому положению о том, что школу объединяет общность тематики, приемов исследования, придала бы характеристика научного содержания трудов учеников В.Е. Майера. Следует подчеркнуть и то, что материалы и выводы диссертанта относительно школы В.Е. Майера, судьбы заложенных им традиций создают основу для компаративистских исследований.

⁸ Отмечу, что перечень имен, фактически, произвольно сокращен по сравнению с источником, откуда он взят. Кроме указанных диссертантом М.В. Нечкиной, Н.М. Дружинина, А.В. Арциховского, Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина, В.Е. Майер называет также В.С. Сергеева, С.В. Бахрушина, К.В. Базилевича, М.А. Косвена. Изучив список, автор мог бы заметить, что, возможно, память подвела, когда В.Е. Майер ошибочно указывает инициалы – В.В. Сергеев, на самом деле – Владимир Сергеевич Сергеев, известный антиковед, заведовал кафедрой древней истории МГУ. См.: Майер В.Е. Носитель высокой культуры // Удмуртская правда. 1982. 26 октября.

Особый интерес в этом параграфе представляет сюжет о III Всесоюзном научном симпозиуме по проблемам аграрной истории развитого феодализма, прошедшем в Ижевске в 1979 г. и ставшим в определенном роде свидетельством признания научных заслуг В.Е. Майера и его коллег в области всеобщей истории. Привлечение эпистолярных источников позволило понять коммуникативные связи В.Е. Майера, создать довольно яркую картину, отражающую атмосферу заинтересованного обсуждения и решения проблем развития науки.

Общественно-просветительской деятельности В.Е. Майера стала предметом анализа в заключительной части работы (гл. 4). Рассмотрев его административную и организаторскую работу в таких общественных организациях, как Общество «Знание» (с 1954 г.), Советское общество дружбы с ГДР (с 1969 г.), а также на посту депутата Индустриального районного совета г. Ижевска в течение четырех созывов (1965-1973), автор не только подчеркивает ее разнообразие, но показывает единство убеждений и гражданской позиции ученого. Это позволяет ему выйти на обобщение о качествах советской интеллигенции «в лучшем смысле этого слова».

Опять следует подчеркнуть фундированность излагаемого источниками: организаторская работа Майера проанализирована на основании материалов Центрального госархива УР, а также личных документов ученого, собранные в архиве автора. Труднее было представлять «лекторскую» составляющую, поскольку, как констатирует автор, конспектов лекций историка сохранилось мало. Лекционная работа оценивается на основании сохранившихся конспектов, а также опубликованных брошюр и газетных статей. Имеющиеся материалы позволяют сделать вывод о том, что и организаторская, и лекторская работа Майера были посвящены двум основным направлениям – лекторскому мастерству и атеистической пропаганде. С одной стороны, это может быть оценено как признак эпохи, с другой – дает контрастное представление о личности и убеждениях. В целом, и деятельность В.Е. Майера в составе общественных организаций, и как депутата наиболее ярко характеризуют его гражданскую позицию, убежденность в необходимости этой деятельности, которой он должен был заниматься как историк, педагог, советский интеллигент⁹.

Итожащее исследование заключение содержит выводы по поднимаемым в диссертации вопросам, они аргументированы, не противоречивы, теоретически и эмпири-

⁹ Добавлю, что экспертиза этого раздела облегчалась тем, что рецензент в 70–80-е годы сам был лектором и функционером общества «Знание» и вел организационно-техническую работу в Татарстанском отделении Общества Советско-индийской дружбы. Повторю, автору удалось почувствовать и показать, какое место эти организация занимала в жизни советских людей, а главное – отношение к деятельности в ее рамках ученого, преподавателя высшей школы.

чески обоснованы. Отмечу наличие приложения, включающие хронологию жизни В.Е. Майера и фотографии ученого, его семьи, кафедры.

Исследование А.Л. Туркевича – творческая и многоплановая работа, в которой автор, как уже мною показано, обращается к проблемам, активно дискутируемым в науке, что, естественно, вызывало желание с ним полемизировать. Равно есть необходимость возразить против положений, которые не представляются убедительными, а также дать рекомендации, которые помогут исследователю, надеюсь, при продолжении его поиска. Вот некоторые из них.

1. Осмысливая феномен научной школы, автор прежде всего опирается на теоретические наработки, полученные на основе анализа практики научных сообществ в до-революционной России. Разумеется, выводы имеют достаточно универсальный характер. Но речь идет о процессе складывания и развития научных сообществ в СССР. Поэтому следовало уделить внимание его специфике, проистекавшей из господства моноидеологии и «общей» методологии: в советской историографии не было желания «делить» советскую науку на школы и направления, исходя из идеи единства методологии.

2. Автор основное внимание уделяет реконструкции истории кафедры, давая весьма подробные сведения о всех, кто работал на ней на каждом этапе ее истории. Полагаю, что для понимания исследуемых процессов очень важно выяснять идейно-политическую, духовную атмосферу¹⁰, принимать во внимание вообще объективные условия исследуемого периода, в том числе «руководящую и направляющую» роль КПСС.

3. Желательно видеть активное обращение к практике «устной истории». Конечно, ученики и коллеги весьма полно изложили в своих воспоминаниях то, что они «помнили» или вспоминали в связи с тем или иным поводом-конференцией. Но у исследователя, как правило, формируется свой собственный «вопросник» и обращение к респонденту с ним могло помочь получить новую информацию. Особенно это касается задачи воссоздания психологического портрета ученого, его умения «школить» или пролить свет на весьма общо рассмотренную тему конфликтов в научной среде.

4. Хочется пожелать автору продолжить работу по изучению материалов, отложившихся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, тех городов, включая и Украину, где

¹⁰ Без учета того, какими были бытовые условия, какой была духовная и моральная атмосфера в стране, городе, в университете, не всегда понятны действия изучаемых персонажей, понимание их действительной роли в изучаемых процессах. Так, автор весьма скептически констатирует: «Елена Александровна Миллиор внимание уделяла в большей степени собственной научной работе или работе с любимыми учениками, но не в целом развитию структурного подразделения» (с. 92), явно недооценивая деятельность Е.А. Миллиор как зав. кафедрой и как педагога. Вот вывод современного исследователя: «В условиях отсутствия научной литературы и источников не было абсолютно никакой возможности заниматься научной работой, и Миллиор все силы отдавала педагогической работе» (Ермакова Л.Л. Е.А. Миллиор: штрихи к портрету // Историк и его дело. Вып. 8. С. 133). В компендиум с этой оценкой сам диссертант на с. 111 сообщает: «В первые послевоенные годы у В.Е. Майера, по-видимому, не было возможности активно заниматься наукой».

жили корреспонденты В.Е. Майера¹¹. Это важно потому, в частности, что вне поля автора остались еще многие вопросы, которые решал Майер-ученый или Майер-проректор. Например, вопросы о приглашении ученых Москвы, Казани, Саратова и т.п. читать в УдГУ курсы лекций¹², об оппонировании и т.п.

5. Не могу согласиться с предложенной автором систематизацией источников и литературы, с отнесением в раздел Источники «Публикации о В.Е. Майере» (с. 287-294).

Сформулированные замечания возникали у оппонента по ходу анализа рецензируемой диссертации, выполненной на должном научном уровне и в традициях профессиональной научной культуры. Данные выше замечания и пожелания высказаны в порядке научной дискуссии, носят рекомендательный характер и не умаляют достоинств и ценности работы. Для меня очевидно, что работа создавалась специалистом, хорошо знающим свой предмет, а главное, любящим свое дело. Это мотивировало желание предъявить повышенные требования автору диссертации, имеющему перспективы развития выдвигаемых идей и положений. Особенно в свете приближающегося 100-летнего юбилея со дня рождения профессора В.Е. Майера. В известном смысле диссертация для читателя выясняет, почему университетский Ижевск, его научное сообщество, прежде всего историков боготворит своего выдающегося представителя.

Соответствие диссертации требованиям ВАК РФ. Представленная диссертационное исследование А.Л. Туркевича, обобщающее результаты многолетней работы автора (судя по автореферату, первые статьи опубликованы в 2011 г.), представляет собой самостоятельно выполненную научно-квалификационную работу, новизна и достойный профессиональный уровень которой не вызывают сомнений. Ее теоретическая значимость проистекает из предложенных автором наблюдений и выводов относительно места и роли известного историка, администратора, общественного деятеля, проф. В.Е. Майера в истории отечественной исторической науки, а равно истории Удмуртского университета, Удмуртской АССР в 40-80-е гг. XX века. Диссертантом собран и проанализирован обширный источниковый материал, часть которого вводится в научный оборот. Практическая ценность состоит в том, что материалы диссертации могут быть использованы в научной и педагогической работе по соответствующим разделам исторического знания, при изучении истории образования, в краеведении, в музейной практике.

¹¹ Диссертант прекрасно эту задачу представляет, она осмысливается в специально посвященной эпистолярным источникам его статье «Научные связи профессора В.Е. Майера (по переписке и автографам)» (в сб.: Историк и его дело. Вып. 9. С. 81-88).

¹² На кафедре всеобщей истории КФУ среди писем проф. А.С. Шофмана есть полученные от В.Е. Майера, в которых он сообщает о выходе своей книги, спрашивает о возможности приехать для чтения лекций и т.д. Такие же вопросы он обсуждает с саратовскими профессорами С.М. Стамом, В.А. Ермолаевым, о чем можно судить по их письмам и воспоминаниям.

Результаты исследования, обоснованность научных положений и выводов его добротно подтверждены в 15 публикациях, в том числе в трех статьях, опубликованных в журналах, включенных в списки ВАК, а также докладами на научных конференциях различного уровня. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации.

Диссертация на тему «**Научно-педагогическая и общественно-просветительская деятельность профессора В.Е. Майера (1918–1985 гг.)**» полностью соответствует требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Автор работы, **Андрей Львович Туркевич**, заслуживает присвоения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Доктор исторических наук, профессор
Института международных отношений,
истории и востоковедения
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»

Мягков Герман Пантелеймонович

7 апреля 2017 г.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Адрес: 420008, Россия, РТ, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

Тел.: (843) 233-71-09

Факс: (843) 292-44-48

E-mail: public.mail@kpfu.ru

